

Содержание

<i>Шуламит Рамон-Шанин. Предисловие</i>	8
<i>Александр Архангельский. Мой Теодор</i>	11
Предисловие автора	17
Часть I. Начала	
1. Мир Вильно	20
2. История: векторы и пунктиры	31
3. Польская война и Литовская свобода	42
4. Советский мир	50
5. Школа номер 2.	69
6. Польша в гражданской войне	86
7. Семья и фамилия	106
Часть II. Израиль: Земля обетованная	
8. Путь к мечте	118
9. Пальмах.	134
10. Социальная работа	157
11. Молодая гвардия	182
Часть III. Университетский мир	
12. Британская академия	218
13. Хайфа	254
14. General social sciences	261
15. Снова мир Англии	272

Часть IV. Шанинка: Московская школа

16. Мир России	290
17. Образовательная система британских университетов как модель	303
18. Мир Шанинки как полигон академической интеграции	314
19. Этика	318
<i>А. Никулин, И. Троцук. Теодор Шанин и Русская революция</i>	<i>322</i>

Caminanto son tus huellas
El camino y nada mas;
Caminante no hay camino
Se hace camino el andar.
*Antonio Machado*¹

На твоём пути твои шаги
Обозначают путь, и только они;
На твоём пути нет пути,
Путь — это то, где ты идёшь.

На трёх основах зиждется мир²: на познании³, на труде⁴
и на делах милосердия⁵.

¹ Антонио Мачадо (1875–1939) — известный испанский поэт, драматург, эссеист.

² Для Талмуда «мир» есть человеческий мир.

³ Изучение Торы приравнивается религиозными евреями к процессу познания и постижения мира.

⁴ Слово «труд» в современном иврите равнозначно слову «молитва».

⁵ «Гмилут Хасадим» означает «милосердие», но с акцентом на действие, то есть помощь нуждающимся. В целом этот эпиграф — парафраз комментария Махарала из Праги (первого Гаона) (Мишна II, Дерех Хаим, 17). Перевод с иврита сделан Теодором Шаниным.

Шуламит Рамон-Шанин

Предисловие

Дорога

Теодор Шанин родился 29 октября 1930 года и скончался 4 февраля 2020 года. Он был спутником моей жизни 50 лет — с 1970 по 2020 год.

Мы жили вместе в Израиле и Великобритании. Начиная с 1993 года Теодор проводил большую часть времени в России, приезжая в Соединенное Королевство раз в месяц, а я периодически ездила в Россию, где у меня вместе с партнерами из Великобритании, Греции и Италии было несколько проектов в сфере высшего образования в Москве и Иркутске.

Автобиография стала последней книгой Теодора, и ему было очень важно ее опубликовать. Здесь он подводит итоги всего, что узнал в своей богатой и сложной жизни, намеренно избрав жанр личных воспоминаний, а не академической работы.

Теодор был прекрасным рассказчиком и много вспоминал о своей жизни в Вильнюсе, в котором родился и который тогда был польским городом; о Сибири, куда их с матерью сослали, когда Теодору было 11 лет, пока его отец сидел в советской тюрьме после оккупации Литвы в 1941 году.

После был переезд в Самарканд, где они жили сначала с матерью, а потом и с отцом, вернувшимся к ним в 1944 году; потом — польский Лодзь, где в 1946-м Теодор стал участником сионистского движения; затем — Париж 1947 года, а еще через год — Израиль, куда Теодор уехал, чтобы присоединиться к Войне за независимость, как ее называло еврейское население Палестины, или Накбе («Катастрофе»), как ее называли арабы (палестинцы?).

Теодор переехал в Великобританию в 1963 году, чтобы получить докторскую степень в Университете Бирмингема. После этого он

остался читать лекции в Университете Шеффилда, в 1973 году получил должность профессора в Колледже святого Антония в Оксфорде, а позже стал профессором социологии в Университете Манчестера.

В 2019 году Александр Архангельский, телеведущий и профессор медиаисследований Высшей школы экономики (ВШЭ) в Москве, записал серию интервью с Теодором. В результате получились 19 видео о жизни Теодора и книга на русском языке под названием «Несогласный Теодор». Эти видео отразили мнение автора о том, что же было главным в жизни Теодора, в них Теодор, невероятно живой и близкий, как будто сидит сейчас с нами в одной комнате. Специально для этой книги Архангельский описал свое впечатление от Теодора, которое можно найти на следующих страницах.

Александр Никулин и Ирина Троцук из Центра крестьянских исследований и Московской школы социально-экономических наук сделали обзор наиболее значительных академических достижений Теодора.

Теодор сам выбирал, о каких событиях и моментах своей жизни писать в автобиографии, что неизбежно привело к отсутствию некоторых из них в данной книге.

Например, в ней относительно мало рассказывается о его жизни в Соединенном Королевстве, однако детство, юность и первые годы в Израиле, наоборот, описаны подробно — так же, как и период создания Московской высшей школы социальных и экономических наук.

С ранних лет жизни Теодор был лидером во всех областях своей деятельности и чувствовал себя комфортно в ведущей позиции. При этом он также признавал вклад других людей в его достижения.

Он вошел в мою жизнь, а я — в его, когда он возглавил первую в истории инновационную службу занятости для инвалидов Израиля, в которой я впервые в жизни, сразу после получения профессионального образования, занимала позицию социального работника. Параллельно с этим Теодор вел политическую деятельность в двух левоцентристских политических партиях Израиля, а также изучал социологию и запускал исследования китайских крестьян в Еврейском университете. Это было типично для него — широко расправить крылья и заниматься всем, что ему интересно, с одинаковой отдачей и вовлечением. Теодор хорошо умел как руководить, так и предвидеть будущее.

Со своей стороны, я обязана ему своей академической карьерой, так как до нашей встречи у меня не было намерения заниматься наукой. Теодор открыл мне новые способы познания мира, познакомил

с научной фантастикой и русской литературой. Мы совершили много замечательных путешествий по известным и неизвестным нам местам, и у него всегда был интересный и особенный взгляд на то, что мы встречали по дороге. 1 января 2000 года мы праздновали наступление нового тысячелетия в Петре — очень древнем городе, расположенном в горах Иордании. Теодор рассказывал о набатейской цивилизации, и это было просто волшебно. Теодор всегда был мне верным другом, особенно в трудные времена.

Мне кажется, эта автобиография раскрывает интеллектуальную и эмоциональную глубину Теодора, его способность мечтать, следовать за мечтой и вдохновлять других на совместные путешествия и проекты, изначально кажущиеся невозможными. Она также отражает его природный оптимизм и глубокую веру в доброту человечества, несмотря на боль, которую Теодор носил в себе, пережив Вторую мировую войну.

Я надеюсь, что Вы, читатель, присоединитесь к Теодору в путешествии по истории его жизни, как он и хотел.

Автобиография была написана на английском и русском языках. Я благодарна переводчикам на английский язык за их усилия и преданность своему делу. Теодор свободно владел тремя языками (английским, ивритом и русским) и имел собственный, уникальный стиль изложения, что делало задачу перевода особенно сложной. Переводчицами были: Мария Пральникова, которая также являлась самым преданным личным помощником Теодора на протяжении многих лет; Лидия Хмелевская и Елена Карл.

Особая благодарность Сэнди Балфуру за важный вклад в дело публикации этой книги.

Март 2023

*Александр Архангельский*¹

Мой Теодор

В декабре 2019 года, за несколько недель до смерти Теодора Шанина, мы с ним и коллегами отмечали выпуск в России большого документального видео о жизни Теодора и книги на основе материалов этого видео под названием «Несогласный Теодор». И фильм, и книга были созданы по моей инициативе на материале моих многочасовых интервью с этим экстраординарным человеком в попытке уловить его суть. Наши разговоры и полученное видео убедили Теодора перейти к настоящей книге — автобиографии, рассказывающей историю его жизни².

Биографическая работа — будь то автобиография или традиционная биография, написанная сторонним автором, — имеет набор проблем, требующих решения. Любые рассказчики имеют собственные биографические легенды, поэтому автобиографии, как правило, отражают авторский образ себя, а биографии рисуют портрет с позиции внешнего наблюдателя, который зачастую сильно отличается от того, как себя видит герой.

Автобиографии нередко скатываются в саморекламу, самовосхваление и сведение личных счетов, могут содержать очень избирательное описание событий, а биографии никогда не могут полностью проникнуть в сознание и личность своих героев. Мне кажется, даже неидеальная, однобокая автобиография сообщает читателю

¹ Александр Архангельский — профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики в Москве.

² Здесь не совсем верно фактически: Теодор начал писать эту книгу задолго до встречи с Александром Архангельским. — *Примеч. М. Пральниковой.*

что-то об авторе, в то время как плохая биография является просто отражением бедных способностей автора, не давая ничего для лучшего понимания героя.

С другой стороны, истории жизни интеллектуалов обычно менее захватывающи, чем биографии, наполненные событиями: жизнь интеллектуала часто глубока, но статична, в то время как другие повествования насыщены людьми, эмоциями, интересами, хотя и могут уступать первым в глубине.

К счастью, жизнь Теодора — ярчайшего интеллектуала — была полна событий. Его детство прошло на фоне войны и оккупаций его родины польской и советской армиями, с коротким периодом независимости Литвы перед новой оккупацией СССР. В его биографии есть сибирская ссылка в возрасте 11 лет; пьяный офицер алтайского НКВД, запрыгнувший на стол в сапогах с криком: «Вы здесь сдохнете!»; неожиданное возвращение польского паспорта в разгар Второй мировой войны; отъезд в Самарканд; кража хлеба для выживания семьи; еще более невероятный (легальный!) отъезд из СССР в Польшу сразу после поражения Гитлера; эмиграция из Польши во Францию в короткий период открытия границ; переезд в 17 лет по поддельному паспорту против воли своего отца в только что созданное государство Израиль, объявившее о своей независимости 14 мая 1948 года, после прекращения британского мандата в Палестине; участие в двух войнах; разрыв со страной, за которую он воевал; новая жизнь в статусе английского ученого; превращение из социального работника и социолога в выдающегося специалиста по крестьянству; основание университета во вновь созданной Российской Федерации.

В этих историях много интересных героев и подробностей — например, таинственный посланник сионистского подполья по имени Иегуда, внезапно появившийся в самаркандской квартире Шаниных с фанерным солдатским чемоданом. У чемодана оказалось двойное дно, из-под которого посыпались спрятанные там золотые монеты.

В жизни Теодора есть много увлекательных историй, однако он предпочитал рассматривать личный опыт с философских позиций, избегая риска написать просто приключенческий роман о своей жизни. Он хотел исследовать то, что назвал бы метафизикой судьбы.

Конечно, мы, аутсайдеры, воспринимали его биографию иначе. Довольно быстро в начале наших интервью мы оба поняли, что я практически ничего не знаю о нем. Это вызвало некоторые трудности. Как выбрать события для обсуждения? И насколько подробно

обсуждать? Говорить откровенно или с определенной осторожностью? С самого начала мы решили говорить максимально открыто, без какой-либо цензуры памяти. А когда окончательные версии книги и фильма были готовы, мы вместе решали, что сохранить, а что вырезать. За все время Теодор использовал свое право редактировать биографию только дважды, попросив меня: «Пока я жив, эти эпизоды не должны быть опубликованы, но вы можете напечатать их позже, после моей смерти». Как бы я сейчас хотел, чтобы Теодор был жив и у меня не было возможности поделиться трогательным эпизодом, из-за которого он чувствовал себя неловко. Эпизод касался его отца. Те, кто знал Теодора, сразу поймут его нежелание делиться настолько личной историей¹. Приведу его рассказ дословно:

С детства я помнил своего отца героем, но со временем его героические черты постепенно пропали. Когда мать сказала, что мы должны переехать в Израиль, он начал оправдываться, вспоминать о проблемах со здоровьем, обстоятельствах, говорил, что не стоит принимать поспешных решений, и так далее. Мать поехала в Израиль сама; уже в Израиле я оставался с ней в течение года, а отец в это время поселился в Париже, и его здоровье начало сдавать. Из успешного предпринимателя он превратился в обузу. Когда он умер в 1951 году, я отправился в Европу на его похороны (собрал деньги через друзей), и там, у его гроба, произошло то, что сильно на меня повлияло.

На похоронах было много народу, человек четыреста, флаги разных политических движений, все было очень торжественно. Лидеры двух сионистских партий Парижа выступили с речами у его гроба. Они спорили с моим отцом, говорили прямо в гроб. Утверждали, что не стоило быть таким упрямым, таким принципиальным и не готовым к компромиссу. Чем дольше они говорили, тем больше я хотел им ответить, но это было невозможно; ком стоял у меня в горле, хотелось плакать. Но плакать я не мог, мальчики не плачут — так меня учили. Однако последним выступал раввин, который сказал:

«По нашим законам, если человек умер насильственной смертью и неизвестно, кто его убил, но его тело было найдено на нашей земле, десять старейшин должны омыть руки и сказать: наши руки не проливали этой крови. Почему Талмуд требует этого от нас? Потому что, когда человек

¹ Вероятно, речь идет о том, что эта часть рассказа не должна была быть опубликована Александром Архангельским при жизни Теодора, но в автобиографии далее она также есть. — *Примеч. М. Пральниковой.*

умирает, не ясно, кто несет ответственность за эту смерть: тот, кто физически совершил убийство, или те, кто не помог умирающему, когда это было нужно больше всего? Поэтому я говорю над гробом: пусть десять старейшин омоют руки свои».

После этого я подошел к раввину, пожал руку и поблагодарил его за то, что он сказал от моего лица и лица моей семьи.

С годами я осознал, что имею право плакать и что мне не стоит сдерживать своих слез.

Драматическая история, преисполненная мудрости.

Но главный вопрос так и остался без ответа: какой образ Теодора мы должны взять в основу этой истории? Борец за справедливость? Выдающийся организатор? Или, может быть, человек в постоянном интеллектуальном поиске?

К началу 2017 года мы с Теодором знали друг друга уже несколько лет, он был довольно известен в российских СМИ, давал интервью, участвовал в панельных дискуссиях. Из разрозненных упоминаний можно было узнать о некоторых аспектах его жизни, однако с ростом его популярности информации о его прошлом не становилось больше. Это был блестящий, оригинальный мыслитель, внесивший свежий вклад в российскую академическую сферу, о котором, однако, очень мало было известно. Именно тогда мы с Теодором договорились собраться на несколько дней и записать подробное интервью о его жизни, которое должно было выйти в России и как документальный фильм, и как книга.

В этот момент у меня начал формироваться образ «моего» Теодора: жесткий, даже весьма жесткий человек, когда дело касалось его принципов, но в личном общении невероятно открытый. Толерантный в западном смысле, то есть не соглашающийся на идеальные компромиссы и в то же время до крайности уважающий чужое мнение. На заре нашей дружбы, в 2000-х и 2010-х, во время наших эпизодических встреч он рассказывал истории из своей биографии и постоянно повторял: «Мы, миснагдим¹, всегда выступаем против,

¹ «Миснагдами» на иврите называют несогласных. Это прозвище было дано евреям из Вильнюса (и некоторых других частей Европы), бывшим противниками хасидского подхода к иудаизму. Миснагдим считали, что хасиды проводят чрезмерно много времени в окружении религиозного лидера, раввина, веря, что он может творить чудеса. Миснагдим же верили в важность изучения и обсуждения иудейских священных писаний, тем самым отдавая предпочтение гораздо более интеллектуальному подходу к религии. — *Примеч. М. Пральниковой.*

так что я человек, который постоянно с кем-то не согласен...» Поэтому довольно быстро и без долгих раздумий стало понятно: мы оба хотели поговорить о Несогласном Теодоре.

Для меня ключом к пониманию биографии Теодора стало то, что он родился и вырос в Вильнюсе в то время, когда город переходил от одного государства к другому. Из состава Польши он перешел СССР, потом Германии, потом обратно СССР и наконец стал столицей независимого государства в начале 1990-х. Это значит, что для Теодора государственные границы с самого начала были второстепенны — главной была принадлежность к городу. Теодор сформировался как гражданин города, связанного не только с евреями в целом, но и конкретно с евреями Вильнюса. Все языки, на которых нашему герою пришлось говорить в своей жизни, также стали его собственными, в его говоре были отголоски польского, иврита, английского — это был удивительный язык вильнюсского жителя начала XX века, обогащенный дальнейшей сменой стран и культур.

С помощью краудфандинга (Теодор с его леволиберальными наклонностями был очень доволен) мы собрали достаточно денег, чтобы закончить фильм, и поехали снимать места, где разворачивались события его жизни: Вильнюс, Алтай, Самарканд, Польша, Тель-Авив, Иерусалим. Конечно, для иллюстрации его истории можно было бы обойтись кинохроникой, но тогда мы заперли бы его в прошлом, связав с ушедшей эпохой. А я хотел сопровождать его историю изображениями сегодняшнего дня, потому что Теодор не в прошлом — он здесь и сейчас. Съёмочной группе удалось найти настоящий вильнюсский двор его детства; хижины в Рубцовске на Алтае, где он и его мать жили в ссылке; в польском городе Лодзь нам посчастливилось попасть на такой же выпускной экзамен в средней школе, как тот, который Теодор вспоминал так живо и так часто. Особенно ту прощальную речь своего одноклассника: «Я антисемит. Вы все это знаете. И ты, Теодор, конечно, это знаешь. Но я хочу сказать, что перестану быть антисемитом, если встречу больше таких заслуживающих уважения евреев, как Теодор. За вашу свободу и нашу свободу!»

Книжная версия интервью, выпущенная в России одновременно с фильмом при сотрудничестве с моими аспирантами, которые помогли с редактированием, набором и дизайном, в конечном счете была опубликована обычным профессиональным издательством в Москве. И вот тут-то и произошло наше с Теодором единственное серьезное разногласие. Камнем преткновения стало название серии, в которой должна была выйти книга. Когда Теодор услышал, что она

называется «Счастливая жизнь», он очень разозлился. «Что за „счастливая жизнь“?! Жестокая смерть моего деда и сестры, насилие в отношении дорогих мне людей, уничтожение евреев, насильственный перенос границ, разрыв с Израилем, за который я воевал?» Я пытался объяснить, что счастье, по крайней мере в моем понимании, было не в спокойствии, а в способности прожить свою жизнь без оглядки на обстоятельства и стандарты текущего времени. Он молчал, глядя на меня. И вдруг хлопнул ладонью по столу: «Ты прав! Я изменю свое представление о счастье!»

И он его изменил, хотя имел полное право стоять на своем. Но как раз этим выдающиеся люди отличаются — тем, что они постоянно развиваются — и в 50, и в 70, и даже приближаясь к 90 годам.

В конце книги (это был финал нашего московского интервью) Теодор говорит:

Я счастливый человек. Почему счастливый? Потому что мне всегда было что-то интересно. Я делал только то, что хотел. И делал много того, чего от меня не ожидали. Поэтому с биографической точки зрения я оптимист. А с точки зрения мирового развития я пессимист. В последние 10, а то и 20 лет мир скатился к череде ужасных событий. Если бы 10 или 20 лет назад кто-то сказал мне, что в ближайшем будущем станет больше, а не меньше войн, что нищета останется нормой жизни, что часть населения даже богатейших стран будет голодать, я бы сказал, что такое невозможно.

И тот факт, что лично моя жизнь сложилась хорошо, вызывает у меня чувство вины, которое, кстати говоря, со мной всю жизнь. Думаю, в какой-то степени именно эта вина заставляла меня с нетерпением прыгивать в каждый проект, который требовал участия или доведения до конца. Я не мог просто говорить, мне нужно было действовать здесь и сейчас. Моя любимая поговорка: «Не бывает невозможного, бывает только сложное».

И сейчас я так же говорю себе: «Не бывает невозможного, бывает только сложное».

Предисловие автора

Как построить рассказ длиной в жизнь? Хронологически проще всего, потому что тогда фактический материал определяет порядок повествования как связь календаря и происшествий. Но это может сгладить до неузнаваемости качественную разношерстность происходящего, комплексность и взаимовлияние процессов и причинностей, а без этого теряется реальная картина. Поэтому, когда покажется нужным, буду отходить в моем тексте от жесткой хронологии к тематичности разделов, от личного — к обобщениям и наоборот. Это будет не история или биография в узком смысле, а историческая социология и антропология, переплетенные личным опытом.

Некоторые разделы я назвал «мирами», так как анкетное разделение по датам (начал учиться... кончил учиться... начал работать...) недостаточно выражает различий между периодами жизни и подразделениями моего рассказа. Это были часто разные миры — реально, как и фигурально — в смысле сгустка идей, которые периодически доминируют над групповой или индивидуальной мыслью. С этим перекликаются короткие зарисовки людей, у которых и на которых я учился видению мира. В определенном смысле эти люди — это также «миры». Местами я буду употреблять байки, бросающие добавочный свет на элементы текста. Но это не сказки-выдумки, а скорее притчи, которые несут этическую и эстетическую нагрузку, — а это часть познания.

Две вещи стоит подчеркнуть. Первое — это то, что я дитя войны. Это определило многое из того, что происходило и еще происходит со мной и вокруг меня. Я начал ощущать себя почти что взрослым во время Второй мировой войны и вырослел под ее влиянием. Меня

впервые арестовали, когда мне было 10. В обществах войн и диктатур это даже не очень удивляет. Но мой арест и непростой процесс взросления/самоопределения можно понять только на фоне времен. Именно в этом смысле я дитя войны.

Второе — это то, что я такой, какой я есть, и это связывает разные периоды и «миры» моей жизни. Рассказ делается единым посредством меня как участника и носителя особого способа видеть происходящее и реагировать на стимулы внешнего мира. Личностный характер менялся с годами, но существовал постоянный стержень. Этот стержень — я.

Вопрос, как писать биографический текст, непросто, особенно когда это автобиография. Элементы такого текста, его разные линии и потенциалы движения соотносятся, перекрещиваются и взаимно влияют разными, часто неожиданными способами. Трудности описания и анализа приводят к тому, что картина описываемого может превратиться из линии развития в кучу фактов и фактиков, глядя на которые трудно ухватить какие-либо нити причинностей. Видишь только хаос, пусть и созданный сознательно.

Я решил подчинить форму представления текста тому, что мне кажется основным в нем. Для этого буду переходить в некоторых случаях от сугубо биографической последовательности к историческим и биографическим потокам, связывающим процессы и причинности, и попробую показать, как эти потоки влияют друг на друга. Надеюсь, читатели окажутся снисходительны к своеобразию такого повествования.